

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires, Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 19 de febrero de 1959

Буэнос Айрес, четверг 19 февраля 1959 года № 474

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

104. НАКАНУНЕ ОТКРЫТИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА: НЕУДАЧИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ, НОВЫЕ МАНЕВРЫ И РЕПРЕССИИ ПРОТИВ НЕПОКОРНЫХ. — СМЕЩЕНИЕ КОБЕЛЕВА И АРЕСТ СУХАНА БАБАЕВА. — “РЫЦАРИ ЖЕВАТЕЛЬНОЙ РЕЗИНЫ”. — НОВОСТИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ. — СМЕРТЬ ПОЭТА ВИССАРИОНА САЯНОВА И ПРАСКОВЬИ НИКИТИЧНЫ АНГЕЛИНОЙ.

Накануне XXI чрезвычайного партийного съезда все данные свидетельствуют о весьма неустойчивом положении хрущевской диктатуры. С первого взгляда может показаться, что он восторжествовал над своими противниками и стал преемником полновластного тирана Сталина; но ряд фактов позволяет говорить о непрочности его власти во всех отношениях.

Его внешняя политика потерпела несомненное поражение с неудачной, хотя и хитро задуманной, поездкой сладкоречивого Микояна. Но самая поездка была слишком глупо рассчитана на непомерную уступчивость американцев и их страх перед советским “интерконтинентальным” оружием. Сам Микоян и пославший его Хрущев не предложили американцам никаких уступок ни в одном вопросе, а лишь пытались сыграть на прежней дружбе эпохи мировой войны и запугать общественность угрозой “германского милитаризма” и “возрождения нацизма”. Но этот старый аргумент не действует не только на американцев, но даже на традиционным в прошлом враждебных Германии французов. Сейчас смешно думать, что, по старой памяти, Эйзенхауэр или де Голль будут искать в Москве защитника от военной угрозы первых западно-германских оснащенных американской техникой дивизий! Всякому молодцу понятно, что немцы мечтают о возвращении захваченного большевиками Берлина и поделенной ими с поляками Пруссии, а не о завоевании Парижа или налетах на Лондон, чем пытаются запугать Запад советские, живущие прошлым, дипломаты.

Ограничиваясь пустыми речами и любезными улыбками, Микоян требовал за них от Даллеса отмены всех ограничений по вывозу из Соед. Штатов в СССР всех видов стратегического сырья для усиления явно отстающей советской военной промышленности. Получив категорический отказ, он на протяжении пронзес хамскую речь перед журналистами, напад на организатора его выступления по телевизии Спивака: “Организатор передач по телевизии Спивак, которого я не знал, сказал мне, что во время моего выступления будут заданы острые и неприятные вопросы. Я ответил, что острых вопросов не боюсь и буду огрызаться. Но во время передачи он вел себя некорректно. Мне приходит на память, что еще в Средние века во время дуэлей существовал кодекс чести. Когда до конца передачи оставалась одна минута и меня предупредили об этом, Спивак под видом вопроса ко мне выступил с нападками на Советский Союз, которые занимают целых 17 строк в Вашей газете “Нью-Йорк Таймс”. Он не дал даже времени на перевод, не говоря уже о том, что не оставил мне времени для ответа. Говоря языком правил чести, он пытался нанести мне удар, заранее зная, что я буду лишен возможности ответить. В таких случаях в старые времена общество отворачивалось от подобных людей, их все презирали и

некоторые из них, не выдержав позора, кончали самоубийством. Я не такой жестокий человек, чтобы толкать кого-либо на самоубийство. Но знаю, что Спивак не способен на самоубийство по мотивам чести. Будьте спокойны. Он останется в добром здравии... Труман выступил в печати с нехорошим заявлением; он против моих встреч с деловыми людьми; но известно, что наши отношения испортились, когда Труман был президентом. Как хорошо, что он теперь не у дел”.

Эти два грубых выпада показывают, насколько Микоян недоволен своим неудачами: телевизия выставила его в таком виде, что он публично желает самоубийства Спивака и бестактно оскорбил демократическую оппозицию, выразив радость, что ее президент больше не у власти.

Большевики кричат о необходимости уничтожения американских военных баз, но одна из них оказала гостеприимство перетрусившему при порче двух моторов на его самолете Микояну. Шведская кампания смущена, что, после порчи в первые часы полета одного из 4-х моторов, загорелся второй (небывалый случай!), но пилот успел благополучно снизиться на американскую авиационную базу, где Микояну пришлось переночевать в общежитии холостых офицеров и разделить их ужин.

Доказательством неудачи поездки Микояна является отсутствие всякой парадной встречи при его возвращении в Москву, куда он вернулся в качестве простого, отдохнувшего у своего друга Меньшикова, сановника. Но поднятый самой советской дипломатией и печатью шум по поводу его первых успехов на американской почве заставляет путанно уверять, что поездка была удачна, ибо показала миролюбие и симпатию к СССР американских промышленников и банкиров, которым, якобы, противодействует американское правительство! Зная ненависть русского народа к советскому правительству, советская пропаганда всегда пытается доказать, что народ на Западе враждебен своим правительствам, вышедшим из рядов победившей на свободных выборах партии; запутавшись в собственной лжи, партийная пропаганда дошла до абсурда: раньше уверяли, что американское правительство — орудие “акул” биржи и банков, трестов и монополий, а за сближение с советской диктатурой стоят безработные и негры, которых обижает капиталисты; теперь о неграх и безработных забыли; Микоян хвастает дружбой с миллиардерами, “королями индустрии”, банкирами и обвиняет правительство, что оно не ведет столь желанной, якобы, для них политики дружбы с большевиками; выходит, что американское правительство вовсе не орудие этих богатей, которых волю оно не выполняет, раз не отдает Европу на растерзание СССР и не снабжает СССР стратегическим сырьем для поражения тех же Соед. Штатов.

Неудача Микояна толкнула Хрущева на новую авантюру: председатель Ленинградского Исполкома Горсовета Н. И. Смирнов пригласил финляндского президента республики Урхо Кекконена посетить в качестве “частного лица” Ленинград “для ознакомления с культурной жизнью города”. Под давлением экономических репрессий со стороны СССР, в ответ на появление у власти социалистов, враждебных коммунизму, Кекконену пришлось в конце января приехать в Ленинград, где неожиданно появился Хрущев, бросивший Москву за неделю до съезда для важных секретных переговоров с финским президентом. Удалось установить, что он потребовал невключения в правительство враждебных СССР политиков, обещая за это прекратить финансово-экономический бойкот. Он снова (в который раз это делается еще со времен Ленина) гарантировал независимость Финляндии, но потребовал, чтоб Финляндия помогла ему создать “нейтральный” Скандинавский блок из Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании, который заключит с СССР договор о нейтрализации Балтийского моря с запретом его посещения военными судами других небалтийских государств и запрещением Германии иметь какую-либо военную флотилию или даже береговую оборону на незначительном оставленном ей отрезке балтийского побережья. Он указал, что Норвегию и Данию надо оторвать от Атлантического Блока и можно предложить, чтоб при отдаче оторванного от Германии “Вольного города Берлина” под опеку Объединенных Наций во главе Берлина был поставлен “комиссар” из скандинавских дипломатов, как генеральное секретари Объединенных Наций: сначала норвежец Тригви Ли и теперь швед Хаммершильд. Этим хитрым приемом Хрущев воображает отколоть скандинавские страны от Запада и, в то же время, ожесточить против них немцев, поставив шведа или датчанина во главе утраченной столицы. Такой же проект было поручено Микояну предложить датскому премьеру Гансену при его последнем посещении Копенгагена на обратном пути из Америки. Кекконен взял на себя обязательство “выяснить возможности” осуществления фантастического проекта, за что Хрущев отменил всякие меры экономического бойкота против Финляндии.

Но ни поездка Микояна, ни посещение Хрущевым приехавшего в Ленинград президента Финляндии не дали Никите козырей для эффектного выступления перед партийным съездом. Его явное раздражение проявилось в грубой выходке против германского посла Кроля на банкете 26-го января в посольстве Индии, праздновавшей годовщину независимости. Подойдя к нему и размахивая под носом посласком толстым пальцем, он сказал:

“Аденауэр не хочет признавать Демократической Германской Республики и говорит, как будто он выступает от имени всех немцев!”

“Проведите свободные выборы по всей Германии и вы убедитесь в том, что наш премьер, действительно, выражает волю всего германского народа”, — спокойно ответил Кроль, на что Хрущев не нашел возражения и отошел от него. Итак, дипломатическими успехами Хрущеву хвастать не приходится, как я и убедился из полученных первых сообщений о его докладе на заседающем сейчас партийном съезде.

Несмотря на всю живность сообщений о всеобщем одобрении хрущев-

Вера и монархия для меня такая же само собою разумеющаяся вещь, как вера в Господа Бога: ни без того, ни без другого — Россия восстановлена быть не может.

Монархия — это хлеб моей родины. Люди, которые отрывают от этой Родины кусок хлеба для меня — враги.

Лучший лозунг, который может быть брошен в массы, на другой же день переворота, — это лозунг монархии. Он — нов для СССР, но он — свой. Это лозунг гражданского мира, величия страны, это, если хотите, даже и лозунг “качества продукции” — “пила царского времени”, “дом еще при царском режиме построен” и т.п.

Ив. Солоневич

ской политики на местных партийных конференциях по выбору делегатов на партийный съезд, печать не смогла скрыть репрессий против двух членов ЦК, из которых один, несомненно, находится уже сейчас под арестом и на съезде присутствовать не может, как не участвуют в его работах исключенные из ЦК и невыбранные делегатами на съезд Маленков, Каганович, Молотов, Шенников и маршал Жуков; Сабуров и Булганин еще могут на нем быть в качестве членов ЦК, выбранных на предыдущем съезде.

На новосибирскую партийную конференцию почему-то прибыл из Москвы любимец Хрущева секретарь ЦК Аверкий Борисович Аристов, что указывает на то, что там опасались выступления оппозиции. Он взялся организовать “демократическим образом” разгром оппозиционной группы, которую, повидному, возглавлял член ЦК и первый секретарь Обкома Б. Н. Кобелев, член партии с 1940 г. (маленковский выдвиженец, проведенный им еще в 1953 г. на пост первого секретаря Иркутского Обкома, откуда он в октябре 1957 г. переведен в Новосибирск). Приезд Аристова сопровождался, несомненно, призывом исподтишка ко всяким карьеристам жаловаться на имя же “выбранного” местного сатрапа; в угоду Аристову и пославшему его Хрущеву пошли такие речи: “секретарь Кыштовского райкома А.Р. Попов на конкретных примерах показал, что тов. Кобелев не прислушивается к голосу низовых работников и перестал советоваться с передовиками производства... он не решает вопросов местного хозяйства... не принимает мер, чтоб преодолеть отставание многих районов... Директор Красносельского совхоза Г. М. Кругликов заявил, что Кобелев не замечает крупных недостатков в механизации и электрофикации сельского хозяйства... секретарь Обкома П. А. Микуров (ближайший помощник Кобелева) сказал: “Кобелев слабо воспитывает кадры и либерально относится к нарушителям партийной дисциплины” (не к тем ли, кто хвалит Маленкова, а не Хрущева?); другие товарищи говорили, что Кобелев много времени тратит на канцелярщину, не знает нужд села, не бывает на заводах...”

После таких речей Кобелев “освобожден от работы” и на его место избран секретарь Калининского Обкома Фед. Степ. Горячев, который, как помнят читатели, на пленуме уклонился от критики антипартийцев, за что сейчас и поехал в “сылку”, ибо из Калининна (Тверь) локатил в далекую Сибирь, что является для него маленькой местью Хрущева и серьезным предупреждением; я так подробно остановился на этом случае, чтоб показать хрущевский метод расправы; на другие партконференции никакие секретари ЦК не приезжали и местные славосло-

веще Хрущева начальство осталось на своих должностях и "выбрано" делегатами на съезд для поддержки на нем Хрущева. Еще интересное случай с б. 1-м секретарем ЦК Туркменской компартии Суханом Бабаевым. Этот 48-летний туркмен-гидротехник вступил в партию в марте 1939 г., когда Ежов уничтожил все туркменские партийные кадры, и потому сделал блестящую карьеру; через 2 года стал Наркомом Госуд. Контроля, а в 1945 г. — председателем совета министров; после 9 лет пребывания "туркменским премьером" в 1954 г. назначен 1-м секретарем ЦК Туркмении, будучи еще с 1952 года членом ЦК КПСС; в прошлом декабре его сменил какой-то неведомый доньне Джума Дурды Караев, а его судьба была неясна. В московской печати сообщения о туркменской партконференции не говорят ничего о каких-либо инцидентах, но местная Ашхабадская печать сообщает, что после доклада Караева принято решение исключить Сухана Бабаева из всех партийных организаций и "отозвать" из депутатов Верховного Совета СССР, что лишает его формально депутатской неприкосновенности. Отсюда ясно, что это местное решение принято после его исключения из членов ЦК, в который он входил с 19-го съезда эпохи Сталина и Маленкова, в целях оформления его ареста и для подготовки его процесса, о котором нам могут и не сообщить. Итак, при общих ликованиях по адресу Хрущева незаметно "ликвидированы" два члена ЦК: Б. Н. Кобелев и Сухан Бабаев, а третий — Ф. С. Горячев переведен по службе в Сибирь, что едва ли можно считать повышением!

Мы совершенно не знаем имен выбранных на XXI съезд делегатов; известно только, что от Московской организации выбраны между другими членами президиума Н. С. Хрущев, А. И. Микоян, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева; но не вошли в эту делегацию входившие в столичную делегацию на прошлый съезд генерал И. А. Серов и министр культуры Н. А. Михайлов; не вошел и президент Академии Наук Несмеянов, но вошли два низкопоклонных поэта Ал. Ал. Сурков и А. Т. Твардовский; большими сведениями о составе уже заседающего съезда я пока не располагаю.

Странное сообщение находим в "Комсомольской Правде" под заголовком "Печальные рыцари жевательной резинки". Из написанного в фельетонном стиле рассказа видим, что группа молодежи посещала гостиницы, в которых останавливаются американские ту-

ристы и продавали им иконы; в других случаях иконы Спасителя и Николая-Чудотворца обменивались на американские бритвенные приборы (видимо, электрические бритвы), жевательную резинку, австрийские зажигалки и даже старые журналы и использованные авиабилеты. Отсюда ясно напрашиваются три вывода: 1) приезжие иностранцы стремятся купить в СССР на память не всякую советскую мерзость, как плохого качества товары или пропагандные альбомы всяких советских стадионон, небоскребов и московского метро, а прежде всего иконы, которые еще остались от нашей прошлой эпохи христианского искусства; 2) эти иконы юности не могут достать дома, ибо в безбожных семьях их давно уничтожили, а в христианских семьях их не позволяют вынести на продажу тем более, если взамен дают ненужные американские товары; скорее всего эти молодцы их стащили из каких-нибудь антирелигиозных музеев Москвы, куда грядущим свозили иконы из закрываемых или разрушаемых церквей; лучшие и ценные давно продало мин. внешней торговли за границу для получения иностранной валюты, а скромные иконы валяются на складах без присмотра и ловкие комсомольцы их оттуда похищают. Мне довелось еще в 1930 г. встретить в камере Ленинградского Дома Предварительного Заключение сторожа одного из музеев, который обвинялся в краже из музея ценных икон и в продаже их иностранным дипломатам, за что он в сентябре 1930 г. был расстрелян; это позволяет мне не скрывать, что его звали — Шариков. Как сейчас помню, этого невысокого, но представительного бородастого мужчину лет сорока с обликом столичного швейцара, курьера или сторожа музейной залы. После всяких поклепов на этих юношей, якобы эксцентрично одетых, пьянствующих, развратничающих и вымогающих деньги на кутежи у влюбленных в них девушек, статья выражает опасения, что они производят дурное впечатление на американцев; 3) отсюда третий вывод: правительство боится, что они могут сообщить иностранцам такие сведения о настроениях и чаяниях столичной молодежи, которые не совпадают с целями советской пропаганды и могут получить (видимо, зная английский язык) от иностранцев такие газеты, книги и журналы, которые поведают им то, чего не сообщает своим читателям советская печать; в последнем главная опасность этого товарообмена и встреч с иностранцами; статья дает понять о высылке из Москвы следующих юношей: Юрия Захарова, Сергея Сытова, Виктора Соловьева, Трещалина и не называ-

Политическая Хроника

ПИСЬМО А. Л. ТОЛСТОЙ

Нам пишут из Нью Йорка: "Нью-Йорк Таймс" опубликовал письмо в редакцию, полученное этой газетой от А.Л.Толстой. В этом письме А.Л.Толстая осудила отношение части американского общества к поездке Микояна по Соединенным Штатам. По словам А. Л. Толстой, прием, оказанный Микояну в Америке, оказал существенную помощь советской пропаганде и углубил пропасть между Соединенными Штатами и русским народом. От имени русских эмигрантов, проживающих в Америке, А. Л. Толстая напомнила американскому общественному мнению, что, в то время, как Соединенные Штаты могут легко достичь соглашения с русским народом, они никогда его не достигнут с советской властью.

Письмо А. Л. Толстой заканчивается напоминанием о том, что Микоян и ему подобные — непримиримые враги Соединенных Штатов, одушевленные неизменным желанием уничтожить это великое государство.

ДЕМОНСТРАЦИЯ УКРАИНСКИХ СЕПАРАТИСТОВ

Нам пишут из Нью Йорка: По почину украинских организаций в Нью Йорке, здесь состоялось собрание, посвященное годовщине провозглашения Украинской Народной Республики в Киеве, в январе 1918 года. В собрании участвовало около 2 тысяч американцев украинского происхождения и украинских эмигрантов. Губернатор штата Нью Йорк Рокфеллер и мэр города Нью Йорка Вагнер издали про-

вел 15 других подвергшихся высылке их друзей. Убежден, что вернутся они из высылки уже сознательными врагами постылой им советской власти и с еще большей тягой к Западу.

Знакома читателей со всеми интересными сведениями о жизни Московской Патриархии, могу отметить два новых назначения советских архиереев: на освобожденную после известного митрополита Нестора кафедру назначен епископом Новосибирским и Барнаульским любимец Патриарха Донат (Шеголев), Балтский викарий Одесской епархии, где Алексей проводит свой отпуск. Ему 60 лет, он много лет служил в Москве в Богоявленском соборе, хиротонисан в 1956 г., провел два года в Новосибирске в качестве викарного епископа Бийского, затем год

кламации, в которых объявили день собрания "днем украинской независимости".

Одним из участвовавших в собрании ораторов был член Палаты Представителей, депутат демократической партии от города Нью Йорка Леонард Фарбштейн, который заявил, что "украинский народ в течение трех столетий страдал под чужеземным русским игом".

ЧЕСТВОВАНИЕ В. Н. РЖЕВСКОГО

Нам пишут из Нью Йорка: Здесь состоялось чествование известного русского политического деятеля и публициста, сотрудника "Нашей Страны" В. Н. Ржевского, по случаю исполнившегося его 75-летия.

Чествование было организовано председателем Объединения Русских Юристов в Америке К. Н. Николаевым, совместно с Российским Политическим Комитетом в Нью Йорке. Одновременно с В.Н.Ржевским Объединение отметило 75-летие второго своего члена В.С.Мелешкевича. Поэтому, в чествовании участвовал также и Русский Обще-Воинский Союз, членом которого состоит В. С. Мелешкевич.

После молебна о здравии юбиляров и речи К. Н. Николаева, В. Н. Ржевскому и В. С. Мелешкевичу были поднесены ценные подарки. За состоявшимся затем банкетом В. Н. Ржевского приветствовали: председатель Российского Политического Комитета Б. В. Сергиевский, бывш. член Высшего Монархического Совета С. В. Юрьев, напомнивший о неизменной преданности юбиляра государственными традициями России, редактор газеты "Россия" Н. П. Рыбаков, Г. В. Месняев и др.

По поручению редакции "Нашей Страны" В. Н. Ржевского приветствовал С. Л. Войцеховский.

провел в Одессе, откуда возвращается в Новосибирск.

Затем уволен на покой 75-летний архиепископ Житомирский и Овручский Венедикт (Поляков), бывший вдовый протоиерей, хиротонисанный в 1947 г. и занимавший в 1947-50 г.г. Житомирскую кафедру, затем Ивановскую и снова с 1956 г., Житомирскую; теперь управление этой епархией временно поручено архиепископу Андрею Черниговскому и Нежинскому (Суханко), хиротонисанному в 1948 г. и правившему епархиями: Черновицкой и Буковинской (1948-52), Винницкой и Браиловской (1952-1955) и теперь — с 1955 года Черниговской и Нежинской.

Отрадно отметить, что реставрировано несколько известных православных храмов, которые десятилетиями были закрыты для богослужения, а именно: Ус-

И. СОЛОНЕВИЧ

№ 45

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

— Ну, что это вы тут намазали? Ни черта подобного я не говорил! Чорт знает, что такое!.. А еще стенографистка! Немедленно переправьте, как я говорил.

Н. К. возвращалась, переправляла, я переписывал, — потом мне все это надоело, да и на заседания эти интересно было посмотреть. Я предложил Надежде Константиновне:

— Знаете, что? Давайте протоколы буду вести я, — а вы за меня на машинке стукайте.

— Да вы ведь стенографии не знаете.

— Не играет никакой роли. Полная гарантия успеха. Не понравится — деньги обратно.

Для первого случая Надежда Константиновна сказалась больной и я скромно просунул в кабинет Видемана.

— Товарищ Заневская больна, просила меня заменить ее... Если разрешите.

— А вы стенографию хорошо знаете?

— Да... У меня своя система.

— Ну, смотрите...

На другое утро "стенограмма" была готова. Нечленораздельный рык товарища Видемана приобрел в ней литературные формы и кое-какой логический смысл. Кроме того, там, где, по моему мнению, в речи товарища Видемана должны были фигурировать "интересы индустриализации страны" — фигурировали "интересы индустриализации страны". Там, где по-моему, должен был торчать "наш великий вождь" — торчал "наш великий вождь"... Мало ли я такой ахинеи рецензировал на своем веку...

Надежда Константиновна понесла на подпись протоколы моего производства, предварительно усумнившись в том, что Видеман говорил действительно то, что у меня было написано. Я рассеял сомнения Надежды Константиновны: Видеман говорил что-то только

весьма отдаленно похожее на мою запись. Надежда Константиновна вздохнула и пошла. Слышу Видемановский бас.

— Вот это я понимаю — это протокол... А то вы, товарищ Заневская, понавыдумываете, что ни уха, ни рыла не разберешь...

В своих протоколах я, конечно, блюл и некоторые ведомственные интересы — т.е. интересы ББК: на чем возу едешь... Поэтому перед тем, как подписывать мои литературно-протокольные измышления, свирьляговцы часто обнаруживали некоторые признаки сомнения и тогда гудел видемановский бас:

— Ну, уж это чорт его знает что... Ведь сами же вы говорили... Ведь все же слышали... Ведь это же стенография — слово в слово... Ну, уж, если вы и таким способом будете нашу работу срывать...

Видеман был парень напористый. Свирьляговцы видимо вздыхали — их вздох из соседней комнаты я слышать не мог — но подписывали. Видеман стал замечать мое существование. Входя в нашу комнату и передавая какие-нибудь бумаги Надежде Константиновне, он клал ей на плечо свою лапу, в которой было чувство собственника, и смотрел на меня грозным взглядом, на чужой, дескать, каравай рта не разевай. Грозный взгляд Видемана был направлен не по адресу.

Тем не менее я опять начинал жалеть о том, что чорт снова впутал нас в высокие с ф е р ы лагеря.

САНИТАРНЫЙ ГОРОДОК

Однако чорт продолжал впутывать нас и дальше. Как-то раз в нашу пустую избу пришел Борис. Оа жил то с нами, то на Погре, как попадалось. Мы устроились по лагерным масштабам довольно уютно. Света не было, но зато весь вечер ярко пылали в печке ворованные в ликвидкоме дрова и была почти полная иллюзия домашнего очага. Борис начал сразу.

— У меня появилась идея такого сорта... Сейчас на Погре делается чорт знает что... Инвалидов и слабосилку совсем не кормят и, думаю, при нынешней постановке вопроса, едва ли и будут кормить. Нужно бы устроить так, чтобы превратить Погру в санитарный городок, собрать туда всех инвалидов северных ла-

герей, слабосилок и прочее, на производство и привести все это. Если достаточно хорошо расписано, кое-какие продовольственные потребности будут крутить и заседать, пока пациенты не вымрут окончательно.

Мое мнение было отрицательным.

— Только что вырвались

и слава Тебе, Господи... Опять

— Это не халтура, — серьезно

— Правда, что не халтура... талось каких-нибудь четыре ме

ваться?..

— Ты, Ва, говоришь так по

слабосилках и больницах. Есл

ввязался же ты в подлоги с Бам

В тоне Бориса был легкий н

счел возможным ввязаться, поче

ваться?..

— Ты понимаешь, Ва, ведь эт

Это было, действительно,

Дело заключалось в том, что п

герной рабочей силы, огромная

здоровье и работоспособность.

лагерных инвалидов "активирова

тели лагерной администрации с

ливали, что Иванов 7-й потерял

и Иванова 7-го, после некоторо

лагеря выпускали обычно в ссы

чешь — живи, хочешь — поми

актам врачи норовили выручать

теллигенцию. По такому акту, в

ков и Борис, когда его зрение с

Для ГПУ эта тенденция не ост

тивация" была прекращена. Ин

пенский кафедральный собор в Ташкенте, который освящал возведенный в этот день в сан архиепископа Ермоген Ташкентский и Средне-Азиатский (Голубев); старинный храм Св. Ап. Иоанна Богослова, постройки XVI века под Новгородом; дивный собор Св. Николая Чудотворца в Евпатории.

Отмечу кончину 73-летнего протоиерея Иоанна Яковлевича Кудрявцева, которого встречал в 1943 г., когда он был настоятелем Симферопольского кафедрального собора; оказывается, он, впоследствии, был смещен свирепым архиепископом Лукой, прибывшим с обозом советской армии в Симферополь, но остался в Крыму, где теперь скончался.

Большую деятельность проявляет в Казахской ССР назначенный в Алматы, с возведением в сан архиепископа, епископ Иннокентий Кировоградский; это постриженный в монахи в 1942 г. (в период германской оккупации) в Почаеве в 30-летнем возрасте Иван Михайлович Леоферов, ставший 9 лет спустя наместником этой лавры, и в 1953 г. хиротонисанный во епископа Кировоградского и Николаевского; пробыв 5 лет в Кировограде, где в пору оккупации были два храма (я посетил их лично в марте 1943 г.), он теперь сразу по прибытии в Алма-Ату совершил богослужение в своем кафедральном соборе и панихиду на могиле своего предшественника митрополита Николая (Могилевского), скончавшегося в 1955 г. на 80 году жизни, после полувека монашества и 34 лет епископского служения. Архиепископ Иннокентий посетил новые храмы своей епархии в Актюбинске, Чимкенте и Джамбуле, сооруженные уже после войны при митрополите Николае. Укажу, что с усиленной колонизацией Казахстана за последние 15 лет, в Джамбуле — 130 тыс. жителей, в Чимкенте — 120 тыс., а в Актюбинске — 80 тыс.; в самой же столице Алма-Ата (б. Верный) сейчас 320 тыс. жителей, из которых больше 60% — русские; в Алма-Ата собор и еще одна церковь, а в трех других названных городах по одному храму при преобладании русского населения, среди которых немало верующих из числа бывших ссыльных и поселившихся там полудобровольно, после выхода из концлагерей или отбывания сроков дальней ссылки.

22-го января скончался в Ленинграде, на 56 году жизни, талантливый поэт, беспартийный Виссарион Михайлович Саянов, начавший писать еще до революции свои первые лирические стихи и вынужденный затем в юношеские годы перестраиваться на советский лад, чтоб иметь возможность печатать свои произведения. В некрологе удачно сказано, что это был русский и советский писатель, отделяя тем самым одно понятие от другого, что не мешало бы делать иностранным экспертам нашей литературы и вообще русской "проблеме". После революции Саянов занимался литературной критикой и преподаванием литературы в Петрограде, выступал в Доме Литераторов на Басейной; потом я встречал его в Доме Печати (б. особняк графини Шуваловой на Фонтанке, между Невским и Итальянской ул.). В 1927 г. вышел сборник его стихов "Фартовые годы", посвященный молодежи, что создало ему и на будущее репутацию "комсомольского поэта"; затем появились его сборники стихов и поэмы: "Современники", "Комсомольские стихи", поэма "Семейная хроника", поэма "Золотая Олекма", сборники стихов "Голос молодости" и "Годы славы", поэмы "Сердце Мира" и "Слово и Мамаевом побоище" (наименее пахнувшая коммунизмом из его поэм!); хуже его слававо-коммунистическое — "Ленин в Горках" и роман о семье "стахановских" активистов, написанный стихами — "Колобовы"; в годы войны он написал кучу модных патристических очерков: "Артиллеристы-гвардейцы", "Гвардия высот". "В боях за Ленинград" и много более мелких. Наконец, угодил дряхлому Сталину романом из жизни летчиков: "Небо и Земля", принесшим ему сталинскую премию; менее известны последние два его романа: "Лена" и "Страна родная". Оставаясь беспартийным, он сумел, играя на советском патристизме военных годов, пройти в президиум ленинградского отделения Союза писателей, где часто хлопотал за помещение стихов молодых писателей родного города, который не покидал в трудные годы гра-

М. М. Спасовский

Зачем Микоян приезжал в САСШ

Просматривая американские газеты, которые целые страницы посвящали "частному" визиту Микояна в САСШ, убеждаешься, что его официальное желание "оживить и развить торговлю между Востоком и Западом" есть шаблонный камуфляж, довольно небрежно накинутый на совершенно другие цели микояновского визита. По вопросам торговли Микоян имел всего лишь одну конференцию с "секретарем коммерции" м-ром Леви Страусом. И только.

Советский коммивояжер был послан в Америку, как это теперь ясно определилось, с иным заданием. Это задание преследовало две цели, одна лежала в плоскости психологической войны, а другая — в плоскости политической войны.

В плоскости психологической важно было создать впечатление, что советская Россия и Америка каждая имеет свою долю "ошибок" и что эти "погрешности" были приблизительно равны по своей тяжести.

По этой линии Микоян отверг обвинение президента Айзенхауэра в том, что "Москва считает священные международные соглашения простым клочком бумаги". "Правда, — кротко и с улыбкой говорил Микоян, — Москва нарушала договоры с некоторыми государствами, но ведь это были явно империалистические страны!"

Далее Микоян оправдал зверское вмешательство СССР в Венгрии тем, что сравнил советское вмешательство с переброской американских войск в Либанон.

И наконец, с подчеркнутым великодушием Микоян утверждал, что "СССР и САСШ одинаково ищут мира и нуждаются в нем. Забудем прошлое и будем дружно строить мир во всем мире..."

Обращаясь к крупным промышленникам Детройта, Микоян внушительно уверял их и твердо доказывал им, что ныне бесполезно планировать сбыт тяжелой промышленности и что он больше не верит, будто американские деловые люди хотят войны. — "Теперь вы знаете, что все, ваши расчеты будут разрушены".

Так, опираясь на политическое вероглядство некоторых американских кругов и на услужливость таких лиц как Эрик Джонстон (кино-магнат) и Сайрус Игон (американский миллионер, побывавший в СССР), Микоян пытался создать в САСШ, и в какой-то мере создал, благоприятный для СССР психологический климат для советских политических домогательств.

Путешествие Микояна в САСШ, конечно, не случайно совпало с открытием

жданской войны и долгой осады 1941-1944 г.г. Похороны его прошли скромно — "по второму разряду" для поэта не только советского, но и русского!

Совершенно другой фигурой является умершая накануне смерти Саянова в селе Старо-Бешево на Украине 46-летняя "Паша" Ангелина. В возрасте 21-го года, она, в 1933 г., стала первой девушкой-трактористкой и организовала первую женскую тракторную бригаду; получила кучу наград и орденов, была выбрана членом ЦК компартии Украины и делегатом XVIII (1939), XIX (1952) и XX (1956) съездов партии; за два дня до смерти ее выбрали на XXI съезд; но с упразднением машино-тракторных станций и подчинением трактористов колхозному и совхозному начальству ее авторитет "бабушки-трактористки" несколько поубавился; все же печать помещает портрет этой суровой и некрасивой женщины с 4-мя орденами на груди, а некролог подписали выдвигавшие ее в орудие пропаганды эксплуатации женского труда прежние и новые партийные сатрапы Украины: Хрущев, Кириченко, Подгорный, Коротченко, премьер Кальченко и все секретари Обкомов Украины, командующий Киевским Военным Округом маршал В. И. Чуйков; на похороны прибыл замест. украинского премьера Г. П. Бутенко; возглавляя в течение 26 лет свою тракторную бригаду, она никакой политической роли не играла, на съездах и банкетах изображая "безмолвно", бурно аплодирующий Сталину, Маленкову, Буганину, а нынче Хрущеву, народ.

Алексей Ростов

в Москве 27-го января внеочередного съезда коммунистической партии. Несомненно, от этого путешествия Микояна Хрущев ждал больших козырей для своей авантюристической игры. Для домашнего потребления и для пропаганды за границей ему нужно было заострить "миролюбивый образ СССР" и прикрыть агрессивную машину мирового коммунизма показом сладкой умеренности, фиктивного либерализма и широкого миролюбия.

"Миролюбивый образ СССР" Микоян "заострял" в Америке: 1) девятичасовым разговором с Джоном Даллесом в Государственном Департаменте, 2) завтраком в Вашингтоне с сенатским Комитетом иностранных сношений, 3) "рабочим завтраком" по приглашению Д. Даллеса в частном клубе и 4) беседой в Белом Доме с президентом Айзенхауэром.

Микоян, будучи напористым и наглым продавцом краденного, не сделал никаких реальных уступок ни в чем. Наоборот, он круто проводил советскую линию. А именно:

1. Толкал САСШ к скороспелому содействию министров иностранных дел по германскому вопросу. Если такое совещание состоится, то все неудачи его будут взвалены Москвою на Вашингтон. Всякое компромиссное решение будет использовано большевиками с единственной целью, во что бы то ни стало, во-первых, разжечь на Западе фальшивые надежды на "мир во всем мире" и, во-вторых, привести Запад к моральному и военному разоружению.

2. Убеждал Вашингтон создать конфедерацию Западной и Восточной Германии, вместо естественного объединения Германии на базе свободных выборов.

3. Настойчиво проводил необходимость демилитаризации и нейтрализации Зап. Германии. И это вполне понятно и обосновано со стороны коммунистов, ибо не секрет, что СССР переживает животный страх перед войной вообще и, в частности, перед атомным вооружением Зап. Германии, и потому готов даже сделать кое-какие уступки, но такие, которые не мешали бы Германии всегда находиться в состоянии военного бессилия.

Государственный секретарь САСШ Джон Даллес при разговорах с Микояном все время колебался в своем требовании свободных германских выборов, но твердо настаивал на оставлении американских войск в Зап. Германии, вопреки советскому ультиматуму. Он соглашался на вывод всех германских войск из Восточной Германии в случае решения объединенной Германии присоединиться к НАТО... Повидимому, Даллес лелеет сумасбродную надежду, что большевики выведут свои войска — двадцать одну дивизию из Восточной Германии, и все будет хорошо.

В общем происходит старая история: СССР предъявляет невозможные требования. Вашингтон настаивает на компромиссах. Москва остается твердой. Вашингтон допускает вторую редакцию своих позиций — смягченную, чтобы показать миру свою умеренность и уживчивость. В результате Москва выигрывает.

Такова беглая сводка домогательств Микояна в САСШ. В какой мере эти домогательства СССР окажутся успешными, предугадать легко: — как всегда, в каком-то выигрыше окажутся именно коммунисты. Опора коммунистов на американских банкиров и крупных промышленников верна, стара и вообще давно и хорошо испытана.

Здесь же попутно хочется привести мнение некоторых мудрых и стойких американских государственных деятелей о Микояне и о его "работе" в САСШ.

Например, Конгрессмен из Миннесота Вальтер Джюлд сделал правильное замечание, предостерегая слишком ревностных: — "Только несчастье нашей стране и человечеству может принести развлекающийся здесь человек, руки которого обгажены кровью миллионов убитых и умирающих, брошенных в рабские концлагеря..."

Сенатор С. Бриджес: — "Совершенно бесцельны наши общественные разговоры с представителем коммунистического правительства..."

Контора газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

Кардинал Кушинг из Бостона: — "Я не принял бы м-ра Микояна и ничего не устраивал бы в его честь..."

Национальный командир Американского Легиона, Престон Мур: — "Америка сознательно была обманута микояновским "визитом доброжелательства". Прием Микояна высшими представителями американского правительства и хорошо известными ответственными американцами содействовал в глазах всего мира ложному понятию престижа и уважения в отношении Советского Союза... Микоян приехал в Америку обследовать вопрос помощи коммунистам... Единственно, что нужно ныне сделать, это принять меры к возможно скорейшему отъезду Микояна из Америки. Американский народ не должен терпеть и, я уверен, и не потерпит в будущем повторения подобной ошибки и провала..."

В нью-йоркской иллюстрированной газете "Дэйли Ньюз" от 17-го января, на странице 15-ой, в отделе "Голос народа" приведен ряд писем — откликов на визит Микояна в САСШ. Вот, ведержки из некоторых этих писем:

1. "В разговорах с Микояном мы имеем дело ни с кем иным, как с убийцей, банковским грабителем, с человеком, обещания которого равны нулю. Микояна сам Хрущев назвал "профессиональным предателем", человеком, начисто освобожденным от каких-либо моральных принципов..."

2. "Джерри Леви очень понравилось, что его поцеловал Микоян. Я хотел бы знать, как он чувствовал бы себя, если бы его поцеловал один из агентов Гитлера..."

3. "Обед, данный американским киномагнатом Микояну, посланнику от великого государства рабов, был подлым ударом в лицо Америки..."

Ограниченность беглой газетной статьи не позволяет нам привести и той доли из того богатого газетного и журнального материала, который был посвящен приезду Микояна в САСШ и оценке личности этого "венгерского мясника". Но вывод из всей этой картины и всего этого шума напрашивается сам собою. Этот вывод резко выпирает и как бы кричит о ярком делении американского общества на две части, по-разному смотрящих на приезд Микояна в САСШ. Первая часть — ничтожное меньшинство, это — американские банкиры и крупные промышленники и дельцы. Вторая часть — подавляющее большинство, это — американцы, средние люди в самом широком смысле этого слова.

В то время, как американские банкиры, крупные промышленники и дельцы устраивали Микояну дорогие и пышные приемы, провозглашали заздравиные тосты и целовались с ним, средний американец при каждом удобном случае осыпал Микояна камнями, тухлыми яйцами, гнилыми помидорами и яростными криками — "Убирайся вон, убийца!"

Нам близок и понятен средний американец, далекий от всякого политического гешефтмахерства, достаточно трезвый и достаточно честный, чтобы понять, что коммунизм это — черная реакция, это — возврат к временам закабаления человека, — закабаления самого дикого по своей жестокости, зверского по массовому пролитию крови и самого подлого по своему широкому разгулу.

То, что Микоян преждевременно прервал свои разъезды по Америке и свои визиты к "известным ответственным американцам", объясняется вовсе не тем, что он выяснил позиции Вашингтона и больше ему нечего было делать в Америке, а потому, что увидел как вокруг него накаляется атмосфера до градуса, опасного для СССР, и что ему лучше поскорее убраться вон.

О том, что "ружья (ветеранов) сами начали стрелять" в Микояна, читателю, конечно, уже известно из газет.

Насколько и в чем американские банкиры и крупные промышленники помогли или обещали помочь СССР через Микояна, мы увидим в недалеком будущем. Сейчас одно только совершенно ясно, что сегодняшний климат Америки далеко не тот, который был во время Второй Мировой войны.

М. М. Спасовский

Библиография

О КНИГЕ ГЕНЕРАЛА ХОЛЬМСТОНА

В переживаемое нами время, когда человечество с замиранием сердца ждет неминуемого столкновения двух миров, лихорадочно готовящихся к "последнему и решительному бою", исключительный интерес представляют мысли, высказанные по поводу этой грядущей войны таким военным авторитетом, как генерал Хольмстон. Талантливый автор "Войны и Политики" исходит из того положения, что в эпоху, в которой мы живем, династические, религиозные и националистические войны отошли в область преданий, и новая война, когда все человечество идеологически поделено на два громадных лагеря, — может быть только идеологической; психологическая подготовка к ней уже идет в фазе "Холодной войны", и находится она в зависимости от тех идей, которые динамизируют в данное время человечество.

Углубляя доктрину ген. Клаузевица — "Война является продолжением политики", — ген. Хольмстон утверждает, что современная война нераздельно связана с политикой, а потому элементы, не столько даже внешней, как внутренней политики и вывозит полную революцию в методах ведения будущей войны. На основании опыта Второй Мировой войны, которую генерал Хольмстон провел на высоких командных должностях, генерал высказывает твердое убеждение, что будущая Третья Мировая война пройдет при самом широком применении (во всяком случае одним из противников) военно-партизанской деятельности или по номенклатуре советского генерального штаба, — "Малой войны".

Проблемам этой "Малой войны" и посвящает генерал Хольмстон 1-ю часть своей интересной книги "Война и Политика". Партизанские действия уходят своими корнями глубоко в историю, еще в век завоевательных войн Александра Македонского и Юлия Цезаря. В нашей истории работа наших прославленных партизан — Дениса Давыдова, Сеславина, Фигнера и др. являла собою характер чистой импровизации и выполняла задачи только тактические, т.е. заключающиеся только в рамках отдельного боя. Как мы видим из книги ген. Хольмстона, советским ген. штабом в ходе Второй Мировой войны были значительно расширены рамки деятельности партизан и была тщательно разработана целая дьявольская система действий специальных "партизанских бригад", которым давались задания уже оперативного характера, т.е. влияющие на ход целых операций и согласованных с действиями регулярных войск.

В своем труде ген. Хольмстон сообщает нам интересные данные о "Малой войне" на восточном фронте митившей войны, иллюстрируя их рядом наглядных примеров. С порицанием констатирует автор, что этот новый революционный метод вооруженной борьбы и психологического воздействия на население, не был должным образом оценен германским главкомандованием, отнесшимся презрительно к "зеленым бандитам". К сожалению, нет оснований предполагать, что и будущий противник интернационального коммунизма учел все громадное значение этого революционного метода войны, непревзойденными мастерами которого являются большевики.

Этот исключительно важный для будущего и детально разработанный труд ген. Хольмстона имеет и ту особую ценность, что в то же время предлагает и свою разработанную систему антипартизанской борьбы, из которой наиболее существенным является то требование, чтобы части, употребляемые для борьбы с партизанами были бы непременно той же национальности, что и партизаны, т.е., в данном случае — русские, а кроме того ставится, как неперемное условие, назначение умелой, гуманной к населению и идеологически подготовленной администрации в оккупированных областях.

Со своей стороны я позволю себе еще добавить, что одним из важнейших условий для успеха не только в борьбе против партизан, но и для успеха ведения всей войны, — это правильно и четко выброшенные лозунги (цель) войны: ни война "За Новую

Татьяна Шауфус

Памяти Вел. Кн. Марии Павловны

"Блажен Путь вонже идеши днешь душе, яко уготовася тебе место упокоения".

Слова Прокимна на отпевании, которыми оканчивается земной путь каждого, будь то "в Бозе почившего" члена Российской Императорской Семьи или "безвременно скончавшихся" нас — простых смертных...

Лицам, близко знавшим Великую Княгиню Марию Павловну за последнее 10-летие, т.е. после возвращения Ее в Европу из Аргентины в 1949 году, и, особенно, за период Ее уже серьезно заболевания, сопряженного в силу даже глубокого одиночества с пересмотром всего "чем люди живы" — слова этого Прокимна полностью выражают то, что пережили очевидцы и кончины Великой Княгини и последующих дней погребения.

Внучка Царя-Освободителя! Как богато одарена Она была и сколько многообразия впитала Она с раннего детства, когда двухлетним ребенком осталась Она и только что родившийся Великий Князь Дмитрий Павлович без материнской ласки и заботы...

"Какие мы были маленькие сироты... держа друг друга за руки, стояли мы в ожидании посадки в поезд, который увозил нас от единственного нам тогда близкого человека — Отца — и вез нас в незнакомую нам обстановку Кремля и Московских Дворцов..."

Это чувство "маленьких сирот" наложило отпечаток на все последующее развитие обоих детей, привязало их друг к другу до конца их дней, и они, внешне расходясь в разные минуты жизни, никогда внутренне не отходили и не изменяли друг другу.

Отца, Великого Князя Павла Александровича, оба боготворили и Ему, по словам Великой Княгини Марии Павловны, были они оба обязаны своим знакомством с русской литературой, с русским бытом, с русским искусством и памятниками старины. Читением Отца вслух, когда дети гостили у него в С. Петербурге, в детстве и юношестве, воспитывались они оба в познании

Европу Гитлера, ни "За Единую Неподелимую" ген. Деникина (ибо и большевики делить Россию не собирались), ни какие-либо расплывчатые посулы: "суверенных прав народа" или "социальной справедливости" ничьих сердец "воспламенить" не смогут. Вряд ли и "война против русского империализма", столь часто упоминаемого сегодняшними идеологическими противниками "Москвы", сделает русский народ союзником "Свободного Мира"?!. Русский народ "по горло сыт" этими, мало ему говорящими, посулами. Он захочет конкретно узнать, что несут ему штыки очередных "освободителей" и с ними идущих русских военных образований. Такими, приемлемыми для русского народа лозунгами только и могут быть те, которые мы безуспешно предлагаем "вершителям судеб мира" вот уже свыше 40 лет: — Беспощадная, бескомпромиссная борьба с мировым коммунизмом и освобождение его первой жертвы — русского народа. Следующей мерой, парализующей работу красных партизан, с их лживой пропагандой — по моему скромному мышлению, было бы незамедлительное провозглашение, в первом же крупном центре занятой территории — Русского Национального Правительства и, позволю себе уточнить, — правительства, которое представляло бы будущего **Законного Хозяина Земли Русской!** Только это нашло бы отклик в русских сердцах, в конце разочаровавшихся во всех оттенках "демократий". Недаром приписывают и самому "красному главному" — Льву Троцкому слова, сказанные им после падения Белого фронта: "Если бы только Деникин выбросил лозунг — **За Народного Батюшку Царя**, — то наша советская власть не продержалась бы и двух недель!"

В заключение добавлю, что ни одна книга, посвященная проблемам будущей войны, не читается с таким захватывающим интересом, как книга ген. Хольмстона "Война и Политика". Прочестъ ее следует не только каждому военному, но и каждому русскому, который болеет душой за нашу Родину и который с упованием ждет ее освобождения. Полк. Ю. Слезкин

и любви к своей Великой Родине — России.

Холодный этикет двора Великого Князя Сергея Александровича и его супруги Великой Княгини Елизаветы Федоровны, воспитавших обоих Августейших сирот еще больше сблизил брата и сестру и они росли в каком-то внутреннем обособлении от окружавшего их официального мира с его дворцовым укладом и протоколом.

Я позволила себе остановиться на этих столь часто слышанных от Великой Княгини фактах и чертах того времени именно потому, что в каждом близком разговоре с Великой Княгиней за последнее десятилетие — привязанность Ее Высочества к Отцу и Брату все ярче выступала и, как сейчас, я помню свое первое посещение Майнау на Константском озере в 1949-м году, когда Великая Княгиня взяла с меня слово, что все будет сделано, чтобы ей лежать после кончины рядом с братом... Это желание Ее Высочества высказывала не раз потом и нескольким другим друзьям, близко Ее знавшим... "Блажен Путь"... но и тяжелые испытания, которые легли на юношеские плечи 17-летней Российской Великой Княжны, когда выдали Ее замуж за Шведского Принца Вильгельма, Сына Короля Густава V.

Чопорный Двор старого Протестантского уклада не смог ввести в свои строгие рамки бесконечно одаренную натуру Русской Великой Княжны, но своей искренней непосредственностью Она покорила сердца в Швеции — от Короля Густава до широких слоев Шведского Двора и общества...

Шведы — до настоящих дней — никогда не переставали считать Ее своей Принцессой и доказательством этого служат целые страницы шведских газет и журналов, посвященных кончине и погребению Великой Княгини в замке Ее сына — графа Леннарта Бернадотта на острове Майнау. Шведские ленты среди более чем 30-ти венков у гроба преобладали и между ними выделялись венки короля Швеции, Принца Вильгельма, Шведского Посла и Генерального Консула в Западной Германии и прежнего круга придворных, состоявших при Великой Княгине в Швеции.

Члены Императорской Семьи также почтили память Усопшей присылкой множества телеграмм и цветов...

Первая Мировая война... сестринство... фронт... Духовное руководство во Пскове Ее Старца-священника, почти монашеский устав в госпитале, которого Великая Княгиня придерживалась тайно от окружавших Ее сотрудников и подчиненных — познакомили и сблизили Ее с основами и требованиями истинной духовной жизни русского Православия...

Великая Княгиня Мария Павловна, если потом и не жила так, как преподавал Ей Старец, то навсегда, до последнего вздоха сохранила в себе, а за последние годы и возрастала то, что Старец в Нее вложил — глубокое знание и чувство Правды и Вечности Православия...

Русская женщина — такова насквозь русская Великая Княжна...

Бегство с несколькими близкими Ей тогда людьми, период эмигрантской жизни в Париже — ...Китмир, давший не только заработок своими вышивками свыше 50-ти там русским служащим... но, как счастлива была и как гордилась Великая Княгиня Мария Павловна, когда вышивки Китмира получили приз на Парижской выставке.

Гордилась Она не за себя, а за то, что Русские, русские дело оказалось на высоте и было отмечено иностранцами...

За что только за эмигрантские годы ни брались Ее руки, Ее ум и всегда руководившее Ею — Ее русское сердце?! Бесконечно много добра было сделано Ею для русских в изгнании... Мало кто даже знал эти дела... Люди, часто являвшиеся лишь Ее орудием — принимали почет и благодарность на свой счет...

Много тысяч афидевитов подписала Она собственноручно для выехавших после Второй Мировой войны в Аргентину... а как мало кто об этом даже знает!

Америка Северная и Южная — сильно подкосили здоровье Великой Княги-

ни. Первое серьезное заболевание имело место в Бразилии в 1948-м году. Неудивительно похуевшей и изменившейся оказалась Она впервые в Мюнхене в 1949-м г., когда приехала к Митрополиту Анастасию — главе Зарубежной Церкви. Дважды еще, в 1950 и 1951 г.г. возвращалась Она в свою любимую Аргентину, а с 1952-го года, после смертельного ухудшения здоровья в Мюнхене, решила оставаться в Европе и делила Свою жизнь между сыном, друзьями в Мюнхене, в Париже и в Монтекарло, с которыми связывали Ее многие воспоминания прежних, более беззаботных лет!

С января 1958-го года Великая Княгиня, окруженная заботами сына и невестки и ближайших друзей, находилась под постоянным надзором врачей в санатории, где она и скончалась 13-го декабря 1958 г. Удалось установить постоянное дежурство двух русских сестер, которые не жалея своих сил, окружили Великую Княгиню своей неустанной и беззаветной заботой.

Последние годы Своей жизни Великая Княгиня любила читать все русское, что выходило в печати и особенно оценила книгу Бориса Ширяева — "Неугасимая Лампада", "Русское Сердце" Березова, а когда Ей стало трудно читать Самой — любила слушать простые описания паломников Св. Земли и слушать обо всем, что касалось наших православных монастырей там; живо интересовалась всем тем, что окружало память умученной в Алапаевске Великой Княгини Елизаветы Федоровны, гроб Которой стоит в усыпальнице Храма во Имя Св. Марии Магдалины в Гефсимании, выставленном на средства Великого Князя Сергея Александровича, присутствовавшего с Супругой Великой Княгиней Елизаветой Федоровной, на его освящении.

Внутреннее единение с памятью о Великой Княгине Елизавете Федоровне к концу Ее жизни ярче всего выразилось в горячем стремлении поехать в Иерусалим и поклониться гробу Своей Августейшей Тетки и Воспитательницы.

С середины октября этого года Великая Княгиня стала заметно угасать... Частое принятие Св. Таин за этот год и, в особенности, в последний период, как казалось и духовнику Ее и нам сестрам, совершенно примирило в Ней все противоречия и приготовило Ее душу к последнему пути...

Последнюю ночь провела Она в величайшей тишине и в полном сознании совершавшегося таинства смерти... Более примиренного отхода нельзя себе представить...

Внешним доказательством этого служило выражение глубокого покоя, радости и величественной красоты, озаривших Ее лицо почти сразу после конца и сохранившееся в течение многих дней, когда Она лежала в еще не закрытом гробу... Казалось минутами, что Она хотела Свою шведскую семью, сына, невестку и внучек убедить в существовании Вечной Жизни, в которую Она перешла — "в Бозе Почившей".

Погребение в усыпальнице под церковью в Замке Майнау на острове, представляющем собой один из известнейших ботанических тропических садов Европы, навсегда запечатлелось в сердцах всех присутствовавших своим величием и красотой...

Сын отдал должное своей Августейшей Матери и позаботился о каждой мельчайшей подробности...

БОРИС ПАСТЕРНАК

ДОКТОР ЖИВАГО

РУССКОЕ ИЗДАНИЕ С ОРИГИНАЛА

на днях выйдет из печати в САСШ и

будет рассылаться заказчикам. Желающие

приобрести эту знаменитую книгу могут

выписать ее через "НАШУ СТРАНУ",

послав в редакцию или внося представителю газеты в

данной стране в местной валюте ее

стоимость и сообщив в редакцию

свой адрес.

658 страниц в переплете

Цена Ам. \$ 6.50. Пересылка Ам. \$ 0.25

ТИРАЖ ОГРАНИЧЕННЫЙ.

НЕ ОТКЛАДЫВАЙТЕ

НА ЗАВТРА СВОЙ ЗАКАЗ!

Для заказчиков из Аргентины, Па-

рагвая и Бразилии ЛЬГОТНЫЕ УС-

ЛОВИЯ —

ЦЕНА 360 арг. песо с пересылкой.

15-го декабря вечером гроб Великой Княгини был перевезен из Констанцы на остров Майнау, где был встречен горевшими свечами во всех окнах домов острова (кроме самого Замка), факельным шествием всех служащих и всех нас провожавших гроб, огромной, горевшей перед Замком елкой, церковным звоном и горевшими вдоль всех стен внутри храма елками... Два священника — о. Игорь Троянов из Лозанны и о. Николай Иовлев из Фрейбурга отслужили панихиду...

К 6-ти часам вечера 16-го декабря прибыли останки Великого Князя Дмитрия Павловича из Давоса, где он скончался в санатории 5-го марта 1942 г. и гроб Которого — при полном повторении встречи накануне для Его Августейшей Сестры — внесли в церковь и поставили рядом с гробом Великой Княгини, после чего была отслужена краткая лития.

Единственный присутствовавший офицер Императорской Армии, по просьбе Сына Почившей, возложил на гроб Великого Князя Императорский Штандарт, доставленный двоюродной сестрой почивших Марк-Графиней Баденской, дочерью Греческого Королевича, брата Матери Великой Княгини — единственной православной из Императорской Семьи присутствовавшей и при кончине покойной и при всем чине погребения.

Гроб Великого Князя опустили после этого в склеп, прибыл Архиепископ Зап. Германской Православной Епархии Александр с протоиереем и хором из Мюнхена и в храме был благоговейно и торжественно отслужен Парастас, а на следующие утро, 17-го декабря, заупокойная Литургия и отпевание.

Так — в Бозе почившие брат и сестра соединились по самому сокровенному желанию Великой Княгини Марии Павловны...

На стене склепа — между ними — большой кованный железный Православный Крест, у изголовья венки сына и у подножия Креста — снопы белой сирени и гвоздики, перевязанный трехцветными русскими лентами от Толстовского Фонда, Почетной председательницей коего Великая Княгиня состояла от 1939-го до 1943-го года.

Небольшая группа эмигрантов, также потерявших Родину, как и Почившая Русская Великая Княгиня, тихо разошлась с глубоким чувством потери еще одного связующего с прошлым Великой Родины звена, но и с чувством радости лицемерия поистине блаженной кончины и упокоения, послужившей Господу Богу Своим Страданием и Своей Верой в Него.

Татьяна Шауфус

Г. Месняев

Достоинная жизнь

Недавно члены Объединения русских юристов в САСШ и члены Российского Политического Комитета, в интимной обстановке, тепло и сердечно отпраздновали семидесятилетие Василия Николаевича Ржевского, члена обеих организаций, талантливого сотрудника "Нашей Страны", убежденного и верного монархиста.

Судьба его и его жизненный путь исключительно типичны для людей нашей эпохи, родившихся в конце XIX века и вышедших на жизненные пути незадолго до революции, которая в корне, грубо и безжалостно исковеркала их жизни, вместе с тем, кровью и железом проверила их верность русским идеалам и их преданность и любовь к своему великому Отечеству. Вот почему скромное празднование юбилея В.Н.Ржевского можно смело рассматривать не только, как личное дело его и его друзей, но и как событие, имеющее общественное значение. Один из приверженцев В. Н. Ржевского его друзей справедливо заметил, что дожить до 75 лет — это, в некотором роде, большая удача и даже счастье, но никак не заслуга. Заслуга, и немалая, заключается в другом, а именно в том, чтобы, несмотря на невероятные испытания, трудности и соблазны, прожить такую долгую жизнь — честно и достойно. Надо заметить, что это удается немногим. А вот, В. Н. Ржевскому — это удалось!

Внешне эта честная и достойная жизнь протекала так: Василий Николаевич коренной русак, курянин, род которого ведет свое начало из древних русских истоков. В 1908 году он окончил университет и записался в Москве в помощники Присяжного Поверенного, а в 1913 году стал Присяжным Поверенным. "В 1917 году, — говорит он, — "февральскую" (революцию) не при-

нял по патриотическим соображениям, а большевистскую по моральным. Выступал на собраниях активно против большевиков. Три раза большевики неудачно пытались меня арестовать, а с другой стороны, предлагали большое место; я попросил три дня на размышление, пришел домой забрал жену и двух детей и с двумя чемоданами, бросив все, уехал в неизвестность. Этапами были: Чернигов, Киев, Ялта, Югославия. Из Югославии, в 1943 году, вместе с семьей, уехал в Австрию, и при американцах был в лагере Парш, где активно начал выступать, как монархист. Россию люблю. Русский народ люблю. Большевизм не признаю!" — заключает свое краткое жизнеописание, в частном письме, В. Н. Ржевский.

Пусть он простит меня за то, что я самовольно опубликовал частные его высказывания. Сделал же это потому, что в рассказе этом все исключительно характерно и все в высокой мере типично и обыкновенно для людей нашего времени, для тех, кто еще носит в своей душе неповторимый отблеск великодержавной России.

На первый взгляд "обыкновенность" эмигрантской жизни В. Н. Ржевского кажется не представляющей особого интереса. Ведь был он не один, взявший в оный день за руки своих детей и с чемоданчиком вышедший в неизвестность. Это сделали очень многие. Но далеко не все, вместе с чемоданами, увезли с собой в чужие края то, что отличало лучших людей того поколения, которое и губило и спасало Россию — прирожденный, непоколебимый, несмотря ни на что, русский идеализм, русскую веру и преданность России и своему народу. Разочарований, огорчений, обид и горестей на эмигрантских путях было больше, чем достаточно. Казалось бы, можно было потерять и любовь и веру в Россию, можно было усумниться в своей правоте, можно было бы и соблазниться, как сделали многие, и признать за правду то, что является самой горькой и постыдной кривдой. Однако, настоящие русские люди, верные и честные, и, в их числе В. Н. Ржевский, те кого не увлек "Февраль", те кто увидели в "Октябре" небывалый вызов морали — не соблазнились и не увлеклись сладким пенцем революционных сирен. Старые исконные русские традиции, на конях из века в век, зиждилась Русская Земля, с ее курскими, орловскими, чер-

СОЮЗ РУССКИХ БЕЛЫХ ВОЕННЫХ ИНВАЛИДОВ отмечает в воскресенье 22 сего февраля 10-летнюю годовщину со дня основания в Аргентине

МОЛЕБСТВОМ

которое совершит Высокопреосвященный Архиепископ Афанасий, после Богослужения, в Кафедральном Соборе (ул. Нуньес 3541), с поминовением всех Российских Воинов за Веру, Царя и Отечество свою жизнь положивших, в смуте погибших и в мире скончавшихся.

Приглашаются помолиться все друзья Союза, национально мыслящие русские люди, инвалиды и их семьи.

Председатель Союза

Полковник Г. Сакс

за Секретаря Поручик А. Навроцкий

РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ

В ближайшие дни выходит из печати и поступает в продажу труд Южно-Американского Отдела Института по исследованию проблем войны и мира имени ген. проф. Н.Н.Головина. —

РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ

Цена — в Аргентине — 30 песо

В остальных странах — 0.75 ам. дол.

Заказы адресовать в редакцию "Нашей Страны".

ниговскими и другими краями, верность и преданность русским монархам и непоколебимая убежденность в живительности для России монархического строя, вот, что отличало и отличает и В. Н. Ржевского и тех его современников, единомышленников и соратников, которые собрались в день его юбилея для того, чтобы достойно его чествовать. В нем они видят самих себя: видят свою молодость, свои увлечения, заблуждения и ошибки, свои лучшие, святые стремления, свою неиссякаемую русскую веру, свои заветные убеждения, которые они будут исповедовать до конца своих дней.

Читатели "Нашей Страны" хорошо знают символ политической веры В. Н. Ржевского. Они, конечно, давно уже оценили и ясность его нестаряющей мысли и твердость его духа, и вдумчивость, и стремление проникнуть в сущность тех таинственных явлений, которые определяют судьбу России.

Несомненно они, вместе с его друзьями и соратниками, искренне пожелают, что бы те качества и свойства, которые В. Н. Ржевскому дала некогда великая Россия, еще долго служили на пользу ей и на пользу Русскому народу!

Г. Месняев

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"НАША СТРАНА"
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ
(издание четвертое)
выходит отдельными выпусками
ВТОРОЙ ВЫПУСК
ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ
Цена 1 ам. доллар.

Принимается предварительная
подписка на все шесть выпусков
Цена 5 дол., в Аргентине — \$ 150.

дать какое-нибудь несложное под высокую руку ГУЛАГ-а. Все это — ГУЛАГ может дать. Иначе ББК и Свирьлаг — мои настоящие и будущие па- Как твоё мнение?

... из Бамовской эпопеи — ездить в какую-то халтуру?

поправил Борис. И тем хуже. Нам до побега оста- Какого чорта нам ввязыв-

ому, что ты не работал в этих бы работал, ввязался бы. Вот скскими ведомостями.

ек на мою некорректность. Я-то же оспариваю его право ввязыв-

амного серьезнее твоих списков. ного серьезнее моих списков.

всей системе эксплуатации ла- са людей навсегда теряла свое несколько лет тому назад таких комиссия врачей и представи-

авляли акты, которые устанавли- административной волокиты, из на собственное иждивение, хо-

Нечего греха таить: по таким в лагеря в первую очередь ин- астности, выкрутился из Солов- илось почти до границ слепоты. сь, разумеется, в тайне, и "ак- дов стали оставлять в лагерях.

На работу их не посылали и давали им по 400 гр. хлеба в день — норма медленного умирания. Более удачливые устраивались дневальными, сторожами, курьерами. менее удачливые постепенно вымирали, даже и при "нормальном" ходе вещей. При всяком же нарушении снабжения, например, таком, какой в данный момент претерпевало Подпорожье, инвалиды вымирали в ускоренном порядке, ибо при нехватке продовольствия лагерь в первую очередь кормил более или менее полноценную рабочую силу, а инвалиды представлялись их собственной участи. По одному подпорожскому отделению полных инвалидов, т.е. людей даже по критерию ГПУ неспособных ни к какому труду, насчитывалось 4500 человек, слабосилка — еще тысяч семь... Да, все это было намного серьезнее моих списков.

— А материальная база? — спросил я. — Так тебе ГУЛАГ и даст лишний хлеб для твоих инвалидов...

— Сейчас они ничего не делают и получают фунт. Если собрать их со всех северных лагерей, наберется, вероятно, тысяч сорок-пятьдесят, можно наладить какую-нибудь работенку и они будут получать по полтора фунта. Но это дело отдаленное. Сейчас важно вот что: подсунуть ГУЛАГ-у такой проект и под этим соусом сейчас же получить продовольственные фонды. Если здесь запахнет дело производством, хорошо бы выдумать какое-нибудь производство на экспорт — ГУЛАГ дополнительный хлеб может дать.

— По-моему, — вмешался Юра, — тут и спорить совершенно не о чем. Конечно, Боба прав. А ты, Ватик, опять начинаешь дрейфить. Материальную базу можно подыскать. Вот, например, — березы здесь рубятся до чорта, можно организовать какое-нибудь берестяное производство — коробочки, лукошки, всякое такое. И кроме того, чем нам может угрожать такой проект?

— Ох, дети мои, — вздохнул я, — согласитесь сами, что насчет познания всякого рода советских дел я имею достаточный опыт. Во что-нибудь да вплинем. Я сейчас не могу сказать, во что именно, но обязательно вплинем. Просто потому, что иначе не бывает. Раз какое-нибудь дело, так в него обязательно втешутся и партий- ный карьеризм, и склока, и подсиживание, и прорывы, и чорт его

знает, что еще. И все это отзовется на ближайшей беспартийной шее, т.е. в данном случае на Бобиной. Да еще в лагере.

— Ну, и чорт с ним, — сказал Юра, — вплинем и отлипнем. Не в первый раз. Тоже, подумаешь, удовольствие жить в этом раю. — Юра стал развивать свою обычную теорию.

— Дядя Ваня, — сурово сказал Борис, — помимо всяких других соображений, на нас лежит ведь и некоторые моральные обязанности.

Я почувствовал, что моя позиция, да еще при атаке на нее с обоих флангов — совершенно безнадежна. Я попытался оттянуть решение вопроса.

— Нужно бы предварительно пощупать, что это за представительница ГУЛАГ-а?

— Дядя Ваня, ни для чего этого времени нет. У меня только на Погре умирает ежедневно от голода от пятнадцати до пятидесяти человек.

Таким образом, мы вплили в историю с санитарным городком на Погре. Мы все оказались пророками, все трое: я — потому, что мы, действительно, вплили в нехорошую историю, в результате которой Борис вынужден был бежать отдельно от нас; Борис — потому, что хотя из сангородка не получилось ровно ничего, — инвалиды "на данный отрезок времени" были спасены, и, наконец, Юра — потому, что — как бы тяжело все это ни было — мы в конечном счете все же выкрутились...

На этом мы временно — на несколько недель — прерываем печатание в "Нашей Стране" отрывков из книги Ивана Солоневича "Россия в концлагере", чтобы дать возможность нашим читателям познакомиться с трудом Проф. Е. Меснера ЛИК СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ. К сожалению размеры газеты не позволяют нам печатать этот труд одновременно с "Россией в концлагере". ТРЕТИЙ выпуск которой выйдет из печати отдельной брошюрой в конце марта.

В следующем номере ч и т а й т е

Проф. Е. Меснер

ЛИК СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Дневник наблюдателя

ВЕСТИ ОТОВСЮДУ

Вести отовсюду, но в них ничего особенного нет. Телега событий мерно тащится по пути сосуществования, скрипит на поворотах, иногда потрескивают оглобли... потом она выравнивается и снова тянется дальше и дальше, увлекающая человечество к пропасти, неизбежно разверстой в конце сосуществовательного пути.

Берлин, Берлин! Его судьба волнует не только немцев. Всем понятно, что здесь — основной узел, завязанный противостественным союзом Рузвельта со Сталиным, но не многим понятно, что это — Гордиев узел. Его можно разрубить, но развязать нельзя. Если же он разрублен не будет, он станет скользить все дальше и дальше, пока не удавит окончательно мир западных демократий.

Когда мы прервали нашу прошлую заметку, м-р Дж. Фостер Даллес находился на пути в Бонн. Посетив эту временную столицу временно существующей, так называемой, Западной Германии, после визита в Лондон и Париж, м-р Даллес имел возможность доложить Эйзенхауэру о полном тождестве взглядов западных союзников на берлинский вопрос. После его визита в Бонн, немцы, до сих пор твердо стоявшие на позиции "не уступать", стали довольно смело произносить фразу: "Берлин стоит войны!" Визит берлинского мэра Вилли Брандта в Нью Йорк прошел в тоне триумфального шествия, и печать отметила возгласы из нью-йоркской толпы — "Вилли, не сдавайся!" Немцы твердо знают: "Wer Berlin hat, hat Deutschland!" (В чьих руках Берлин, тому принадлежит и вся Германия), и они не желают отдать Берлин Советам. Да и не только немцы!

Очевидно это, равно как и иные признаки настроений на Западе, ведет к тому, что с советской стороны все чаще слышатся замечания, косвенно дающие понять, что СССР готов идти на уступки в берлинском вопросе. Если из ноты Хрущева вытекало категорическое советское "или — или", то теперь отдельные замечания советских представителей в Восточной Германии дают наметки на облегчение. То говорится, что доступ для западников в Берлин не нарушится, то делаются намеки о согласии отложить проведение решительных мер. Одним словом, будущая страной подлинно миролюбивой, т. е., понимая, что война означает конец советской власти, СССР, пока что на торгашах, идет на попятный. СССР боится войны.

Если бы Запад знал, что может прийти на смену советчине на Русской земле, он, вероятно, был бы более решителен, но... не видя ответа на этот вопрос, Запад и дальше тянет телегу сосуществования. Его голос протеста в берлинском вопросе тоже смягчается. Страны НАТО уже разработали черновик своей ответной ноты к СССР и из него видно, что возможность конференции министров иностранных дел "Четырех Великих" приобретает все более отчетливые контуры. Впрочем, такая конференция, когда бы она ни собралась, не сулит успеха. Единственное, что она сможет сделать, это: смягчить угол вопроса, поставленного ребром. Ни решить самый вопрос, ни упразднить его она не сможет, разве что Запад пойдет на самоубийство — уступок по отношению к СССР. Чей Берлин, — того и Германия. Чья Германия — того и вся Европа. Так стоит вопрос. Кто уступит — тот пропал! СССР хочет, чтобы такая конференция произошла в Варшаве. Всякий чувствует себя более уверенно, когда он дома!

Вернувшись в Америку Дж. Фостер Даллес подвергся операции грыжи. Операция прошла блестяще легко, больной поправляется. Извлеченные ткани, однако, при микроскопическом исследовании, выявили наличие рака в степени, при которой радиотерапия дает улучшение на ряд лет. Сейчас Дж. Ф. Даллес уходит в бессрочный отпуск. Заменить его будет С. Дуглас Диллон, заместитель Министра Иностранных Дел САСШ. Делать прогнозы о значении ухода Даллеса напрасно. Политику делает не он, хотя бы он и был ее проводником. Его преемник, кто бы он ни был, будет также рупором тех кругов, которые делают политику САСШ. Ход событий зависит от того, как решат вопрос они.

Наметилось острое напряженное отношение между Японией и Южной Кореей. Это вызвано решением черной репатриировать в Сев. Корею, т. е. выдать коммунистам, 600.000 корейцев, проживающих в Японии. Южная Корея резко протестует. Американские политические круги обеспокоены этим напряжением и принимают меры к ликвидации возможного конфликта прежде, чем он возникнет. Разрыв между Японией и Южной Кореей обозначил бы прорыв важного звена в цепи обороны демократического фронта на Дальнем Востоке.

Близится к окончанию длительный конфликт Кипра. Этот остров — колония Англии. Он населен на две трети греками и на одну треть — турками. Борьба за независимость от англичан держала жизнь на Кипре на пороге гражданской войны ряд лет. Претензии на него предъявляли и Греция и Турция. В результате переговоров между премьер-министрами Греции и Турции теперь найдено решение о предоставлении Кипру полной независимости. То, что премьер-министром Кипра будет грек, а вице-премьером — турок, примирит межнациональную рознь. Ожидается, что первым премьером будет архиепископ Макарий, прославленный борец за независимость Кипра от англичан. Окончательное решение зависит от Англии, до сих пор благоприятно принимающей наметившееся решение.

Английский премьер-министр Мак Милан продолжает собираться с визитом в Москву. Неожиданным препятствием

ВНИМАНИЮ г.г. ПОДПИСЧИКОВ!

Ввиду полной невозможности справиться с текущей работой и острой необходимостью сокращения расходов, контора газеты должна отказаться от принятой нами системы подтверждения получения подписной платы в форме писем и ограничиться в будущем лишь соответствующим изменением цифры, поставленной красными и чернилами на бандероли каждого номера газеты. Мы очень просим г.г. подписчиков внимательно следить за этими цифрами, указывающими срок окончания подписки и в случае какой-либо неточности извещать контору газеты немедленно.

Вышеизложенное не касается наших подписчиков во Франции и в Бразилии, где учет подписной платы ведется представителями Редакции.

к этой поездке, на которую Запад возлагает надежды, т.к. Мак Милан должен будет встретиться с Хрущевым, может оказаться... грипп, повальная эпидемия которого захватила Англию.

В полосе решающих событий стоит Ирак. Абдель Карим Кассем, вождь и вдохновитель революции и убийства Короля, находится между Сирией и Харибдой. Влияние коммунистов в его правительстве усиливается. Протестуя против этого усиления, подал в отставку председатель Верховного Совета Медн Кубба и шесть министров. Последние находятся под домашним арестом. Идет волна арестов среди антикоммунистов, причем преследованию подвергаются и сторонники объединения Ирака с Нассеровской ОАР, т. е. Египтом и Сирией.

Многозначительно то, что иракская революция убивает своих же "героев". Повешен Абдель Салам Ареф, в прошлом июле захвативший власть в Багдаде и вызвавший убийство Короля и его семьи. К смерти приговорен также и Рашид Али Алгаилани — идеолог борьбы против англичан, покинувший Ирак в 1941 г. и вернувшийся туда после июльской революции. Их так и величали: герои революции! Таков плачевный результат революционного "благородства".

Ирак охвачен борьбой трех партий и стоит на пороге гражданской войны. Иракские националисты, коммунисты и нассеровцы, каждый со своей стороны, добиваются осуществления своих планов. Иностранные наблюдатели полагают, что будущее Ирака зависит от того, какая из этих групп окажется наиболее решительной и, выйдя из кабинетов на улицы, сумеет увлечь за собою народные массы и бросить их в борьбу за интересы своей партии.

Абдель К. Кассем, который, повидимому, надеялся осуществить первую в мире "бескровную" революцию и пришел к власти через трупы Короля и его семьи, оказался между трех огней и... либо в юбку должен будет бежать из Ирака, либо окажется следующим героем революции, которого эта распутная девка потянет на виселицу. История повторяется.

Хотя СССР и может записать кое-что из иракских событий на счет своего прихода, в Иране он идет с прогрессом. Была сделана попытка вырвать Иран из линии западной антикоммунистической обороны, но она провалилась и СССР заявил, что Иран стоит во враждебном ему стане.

Из Берлина сообщают, что 25.000 девушек добровольно едут в степи Казахстана. Непонятно, идет ли речь о немецких девушках, вдохновленных идеей овладения целиной, или же просто сведения просочились через Берлин и говорят о "советских" девушках, которым приказано вдохновиться и найти себе мужей среди молодежи, загнанной Хрущевым на пресловутую "целину". Так или иначе роль этих девушек состоит в том, чтобы облагодетельствовать "пионеров целины". К этой же мере в свое время прибегал и Сталин, когда он, для закрепления рабочего населения, отправленного для Дальневосточных строек, возбудил насильственный энтузиазм "похода девушек на Дальний Восток". Советский почерк в этом случае, как и в прошлом, остается инт белыми нитками по черному. Энтузиазм охватил именно 25 тысяч девушек. Ни больше, ни меньше. Точно по плану!

Наблюдатель

ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
"НАША СТРАНА"
И КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАША СТРАНА"
В БУЭНОСАЙРЕСЕ
продаются:
в Книжном магазине Бр. Лашкевич, ул. Леандро Алем 1140;
в Киоске В. С. Вербицкого при Храме Воскресения Христова (ул. Нуньес, 3541);
в Киоске Б. Н. Ряснянского при церкви на Облигадо 2130;
у газетчика на углу ул. Леандро Алем и Виамонте;
на Вижа Бажестер у инж. Василькиоти, при церкви на Ав. Альвеар.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina
Телефон 52-7426

Прием у редактора только по предварительному соглашению по телефону.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8408
Correio Central, Sao Paulo.
Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.
Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.
Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.
U. S. A.
Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.
Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. E. San Francisco 18, Calif.
Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.
The Russian National Book Store, 327 N. 14-th St. New York 3. N. Y.
Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.
Mr. A. Kóstyria, 6 Argyle St., Toronto 1, Ont.
Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré. (Bordeaux), Montreal (P. Q.)

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles
France: Mr. A. Krivocheff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.
Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 142
Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 26, Athènes.
Holland: Mej. A. Loeper, Amsterdam-sche Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane, Q.-d.
Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1.
Mr. M. M. Spassovaky, 8, Richmond Str., South Wentworthville, N.S.W.

ЦЕНА НОМЕРА В АРГЕНТИНЕ — \$ 4.50

Продолжается подписка на
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем
под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 4.50 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. цент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 75 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 15 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 75 фр.; Италия — 200 лир; Голландия — 0.65 гульд.; Швеция — 1 шв. кр.; Греция — 4 др.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САСШ и Канада — 35 цент.; Бразилия 15 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 12 гуар.; Чили — 150 чил. песо; Франция — 115 фр. фр.; Германия — 1 нем. марка; Голландия — 1 гульден; Греция — 8 др.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова.

Подписка принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров.

Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за 1 д е с я т ь номеров вперед.